

Экран и сцена -
1994 - 20-27 февр -
а 11.

Со 2 по 9 февраля в литовском городе Каунасе проходил очередной семинар-лаборатория, посвященный творчеству одного из величайших артистов нашего столетия - Михаила Александровича Чехова. Тема формулировалась закономерно и органично: "Михаил Чехов и российско-литовские связи первой половины XX века, являлась логическим продолжением предыдущего семинара - летом 1996-го в Юрмале.

На лаборатории собрались студенты из Каунаса, Вильнюса, Клайпеды. Тридцать два человека - второй и третий курс актерского и режиссерского факультетов. Мальчики и девочки, выросшие и повзрослевшие как раз в то время, что мы, почти, не общались. Новое поколение новой Литвы.

Наблюдая за ними на практических занятиях и на лекциях Натальи Анатольевны Крымова,

объяснялось не только и не столько долгом хозяина - он жаждал общения.

Жажда эта существовала реально, проявляясь многообразно, - и у живущих здесь, в этом городе, и у тех, кто приехал всего на несколько дней. И, как ни странно, была в чем-то схожа с поисками антропософфов, так сильно увлеченными многими, в том числе и Михаила Чехова.

Красив ли Клавдий?

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

вой, я почти физически ощущала, насколько неподвластны сухому и жесткому анализу такие "конкретности", как тяга к контакту, единомыслие, почти мгновенно возникающие узнавание, понимание, прикосновение к сути. Может быть, отчасти потому, что речь шла о равно близком для всех предмете - театре, рушились на глазах реальные языковые и вымышленные государственные барьеры, и возникало то единое магнитное поле, в котором жест, слово, пластическое выражение заменяют новозов-

Может быть, в том, что ощущение синтеза, сознательного и строгого суммирования многих театральных и интеллектуальных достижений столетия, становилось основой, главной мыслью каунасской лаборатории-семинара, пронизывая лекции, занятия, спектакли. И то, что принято называть буднями.

Веста Грабштайте, педагог из Вильнюса, несколько лет провела в Японии, участь сценическому движению в знаменитой школе Судзюки. Она занималась со студентами тем, что можно назвать освобождением мышечной энергии, расслаблением - но не ради отдыха, а во имя предельной концентрации и полного контроля над собственным телом. За ним стоит контроль над эмоциями и, казалось бы, для западного артиста восточная пластика во многом чужда и дозирование эмоций никогда не являлось одной из составляющих (по крайней мере, сознательно, на уровне разума) для артиста русской психологической школы. А в литовском театре значительная часть артистов именно через эту школу прямо или опосредованно прошла. И тем не менее сугубо восточные упражнения, выполненные к тому же под японскую музыку, внезапно вызвали в памяти у меня, зрителя этих занятий, много раз описанные упражнения Михаила Чехова с мячами, почти хрестоматийный пластический образ работы над ролью со студийцами.

Вот и вспомнил слова старца Зосимы из "Братьев Карамазовых": "В одном конце мира тронешь - в другом отзовется". Так строится наше восприятие, так течет история - человечка, человечества, театра, искусства, культуры. И тоже - совсем не случайно приходят, возвращаются слова персонажа Достоевского: писателя, чей космос так болезненно-точно ощущал Михаил Чехов, показавший К.С.Станиславскому при первой встрече монолог Мармеладова и поставивший свой последний спектакль на Бродвее по "Бесам" ("Одержимые").

Наталья Крымова в одной из своих замечательно-простых и интереснейших лекций, на которые собирались не только студенты, но и педагоги, и артисты каунасского театра, и гости из разных городов Литвы, сказала о том, что жизнь Михаила Чехова закольцевалась Достоевским. Этот писатель, чьи живые и большие для каждого истины мы основательно пообтрепали за последнее десятилетие в дискуссиях и эффектных выступлениях, по-своему окрасил сам талант Михаила Чехова, сопутствуя его зарождению, развитию, цветению. Наверное, потому и не случайно вспоминался в эти

дни. Казалось бы, движение, пластическая выразительность актера - одна ипостась, а речь - нечто совершенно другое, хотя и призваны они всесторонне характеризовать тот или иной образ. Но занятия педагогов по речи как будто естественно вытекали из законов раскрепощенности во имя строжайшего контроля; звук не менее, чем жест, связан с концентрацией психофизической энергии, одним из важнейших элементов техники актера, открытым и сформулированным Михаилом Чеховым в лекциях 40-х годов. Там же, где много внимания уделено психологическому жесту, занятия по его освоению вели Юрий Авшаров и Владимир Байчер.

На примере взаимоотношений Тартюфа и Оргона Авшаров выстроил урок, на котором студенты, разбившись парами, пытались пластически выразить систему этих взаимоотношений. Было так интересно, что и тобой овладевал азарт, хотелось тоже найти себе пару и немедленно, здесь же, в небольшой репетиционной комнате, показать собственное восприятие отношений двух классических персонажей. А потом сразу же ответить на вопросы педагога по "Гамлету": красив ли Клавдий? опытный ли он преступник или совершил первое в жизни преступление?

Ведь из этих вопросов рождаются другие, более детальные, заставляющие очень точно продумать, а значит, и выстроить каждую сцену, каждую "цепочку взаимоотношений", в которой наполненно, правдиво, насыщенно живут тело, мысль, душа.

О каждом из занятий можно писать очень подробно, протягивая ниточки и к увиденным спектаклям, пробуждая в памяти виденные не там и не тогда репетиции. И все это будет обоснованно и естественно, потому что оно существует - то самое единое магнитное поле, в котором мы ощущаем друг друга и понимаем все как самые близкие люди. И это - главное.

На этот раз организаторами семинара-лаборатории стали Общество Михаила Чехова (вице-президент Владимир Байчер), Каунасский государственный академический театр драмы и Университет Витаутаса Великого. Спасибо им и всем тем, кто выступил спонсорами (Фонд Открытой Литвы, Министерство культуры Российской Федерации, Министерство культуры Литовской Республики). Кто будет следующим? Это вопрос не праздный, потому что найти в конце концов ответ на вопрос: красив ли Клавдий? - очень важно. Для будущего артиста. Для будущего театра. Для поиска той самой "театральной всемирности", что может раздвинуть государственные и экономические баррикады между нами.

пластической импровизации (Владимир Афаньев), по актерскому тренажу (Веста Грабштайте), по актерской технике Михаила Чехова (Владимир Байчер, Юрий Авшаров, Гитис Падегимас), по сценической речи (Татьяна Федюшина, Рамунас Абукавичюс), лекции Натальи Крымовой и Алексея Бартошевича, спектакли Каунасского академического театра драмы - "Наш городок" и "Долгий рождественский ужин" Торнтона Уайлдера, "Записки сумасшедшего" Н.Гоголя, "Бесплодные усилия любви" и "Двенадцатая ночь" Шекспира, "Незнакомка" А.Блока, "В Ашенфельд" Ф.Вехтера, "Трехгрошовая опера" Бертольда Брехта.

А завершилась лаборатория научной конференцией, приуроченной к юбилею Университета Витаутаса Великого, с докладами о творческом пути и личности Михаила Чехова, его роли в современном искусстве Литвы, о вкладе в театральный процесс соратника Чехова А.Жилинскаса. Были подведены итоги лабораторных опытов - они еще раз доказали, как нужны подобные встречи, потому что сегодня, на исходе столетия, нам необходимо соединить все то, что еще поддается соединению, связи, возникновению того, что можно обозначить как "театральная всемирность".

И, конечно, одной из главных радостей этих дней было общение, общение, общение. То жизненно важное, ради которого все мы готовы сорваться с места и мчаться неведомо куда, словно догоняя те далекие счастливые времена, когда никакие государственные границы и материальные барьеры не существовали между нами. Парадоксально, но именно в такие дни со всей отчетливостью начинаешь задумываться о том, как дорого было заплачено "за нашу и вашу свободу".

Чехов Михаил Александрович
20-27.02.94